

ЭКОНОМИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

ECONOMY POPULATION AND DEMOGRAPHIC

Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям *

Estimation of sustainable development of Russia's Northern regions by demographic indicators *

УДК 332.14(470.1/.2+571)

В. В. Фаузер, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Т. С. Лыткина, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

А. В. Смирнов, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Г. Н. Фаузер, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

V. V. Fauzer, Institute of socio-economic and energy problems of the North of Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

T. S. Lytkina, Institute of socio-economic and energy problems of the North of Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

A. V. Smirnov, Institute of socio-economic and energy problems of the North of Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

G. N. Fauzer, Institute of socio-economic and energy problems of the North of Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

В статье рассматриваются теоретические положения концепции устойчивого развития в планетарном масштабе. Показывается, что переход к устойчивому развитию был обусловлен всем ходом социально-экономического развития мирового социума. Противоречия между потребностями населения, возможностями экономики и способностью планеты к со-

хранению биоразнообразия без внешнего вмешательства достигли критической точки. В XX в. возросло неравенство внутри стран и между ними. Существуют огромные диспропорции в распределении возможностей, богатства и власти. Одной из ключевых проблем остается гендерное неравенство. Понимая остроту возникших противоречий, мировое сообщество под эги-

© Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н., 2018

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.).

дой Организации Объединенных Наций приняли основополагающие документы, определившие цели и задачи развития человечества до 2015 г., а затем до 2030 г. В одном из первых документов — «Повестке дня на XXI век» — всем странам и международным организациям было рекомендовано разработать концепцию показателей устойчивого развития. В статье рассмотрены шесть систем показателей оценки устойчивого развития. Отмечается, что при всей комплексности измерения устойчивого развития недостаточно полно представлены показатели по оценке демографических процессов, они явно «однобокие» и не отражают все аспекты демографической динамики. Учитывая это, предлагаются авторские подходы оценки устойчивого развития на основе демографических показателей. Предложенные два подхода позволяют дифференцировать северные регионы по степени демографической устойчивости на четыре группы: критическая, низкая, средняя и высокая. Отмечается, что все северные регионы с 2000 по 2015 гг. улучшили свою демографическую устойчивость, и все годы она была выше российского уровня. В перспективе предстоит разработать интегральный показатель, позволяющий раскрыть влияние демографических и трудовых факторов на устойчивое развитие северных регионов.

Ключевые слова: Север России, устойчивое развитие, концепции, цели, задачи, система показателей, демографические факторы и показатели, ранжирование.

The article describes theoretical positions of the concept of sustainable development on a planetary scale. The transition to sustainable development was caused by the entire course of the social and economic development of the world community. The contradictions between the needs of the population, the possibilities of the economy and the planet's ability to conserve biodiversity without external intervention have reached a critical point. Increased inequality within and between countries in the twentieth century. The distribution of opportunities, wealth and power is characterized by huge imbalances. Gender inequality remains a key challenge. Understanding these contradictions, the world community, under the auspices of the United Nations, adopts the fundamental documents defining the goals and objectives of human development until 2015 and then until 2030. Agenda 21 encouraged to develop the concept of sustainable development indicators by all countries and internation-

al organizations. The article considers six systems of indicators for the estimation of sustainable development. Despite the complexity of measurement of sustainable development, indicators for estimation of demographic processes are not fully represented. They are «one-sided» and do not reflect all aspects of demographic dynamics. In this connection, the authors propose approaches for assessing sustainable development based on demographic indicators. Two approaches differentiate the Northern regions in terms of demographic sustainability into four groups: critical, low, medium and high. It is noted that all the northern regions from 2000 to 2015 improved their demographic stability and that all the years it was higher than the average Russian level. In the future, it is necessary to develop an integrated indicator to reveal the impact of demographic and labor factors on the sustainable development of the Northern regions.

Keywords: Russian North, sustainable development, concepts, goals, objectives, system of indicators, demographic factors and indicators, ranking.

Введение

Зарождение теории устойчивого развития совпало по времени с переходом науки в новую (постнеклассическую) стадию развития. Объектом исследования стали сложные открытые самоорганизующиеся системы, компонентами которых являются природа и человек. Начали применяться такие категории, как нелинейность, вероятность, неустойчивость. Изменяется отношение человека к природе. Если раньше природа воспринималась как механизм, то сегодня человек должен осознавать долгосрочные последствия своего воздействия на природные системы. Исследования стали более междисциплинарными. Это проявляется в триединстве социальной, экономической и экологической точек зрения на проблему устойчивого развития (УР) [13, 18, 37].

Потребность в использовании принципов устойчивого развития обусловлена тем, что сегодня миллиарды людей на планете продолжают прозябать в нищете и лишены возможности вести достойную жизнь. Усиливается неравенство внутри стран и между ними. Существуют огромные диспропорции в распределении возможностей, богатства и власти. Одной из ключевых проблем остается гендерное неравенство. Серьезную обеспокоенность вызывает безработица, особенно среди молодежи. Одной

из наиболее серьезных проблем нашего времени является изменение климата, и негативные последствия этого явления подрывают способность всех стран достичь устойчивого развития. Под угрозой находится существование многих сообществ и биологических систем жизнеобеспечения на планете.

Учитывая глобальные угрозы и вызовы, главы государств и правительств и высокие представители, собравшись в центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 25—27 сентября 2015 г., решили принять новые глобальные цели в области устойчивого развития. Участники Ассамблеи утвердили всеобъемлющий, рассчитанный на перспективу и предусматривающий учет интересов людей набор универсальных и ориентированных на преобразования целей и задач. Все преисполнены решимости добиваться устойчивого развития в трех его компонентах — экономическом, социальном и экологическом — сбалансированным и комплексным образом. Принятая резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка дня — 2030) — это план действий для людей, планеты и процветания. Она направлена на укрепление всеобщего мира в условиях большей свободы. Признается, что ликвидация нищеты во всех ее формах и проявлениях, включая крайнюю нищету, является важнейшей глобальной задачей и одним из необходимых условий устойчивого развития [12, с. 3].

Цель статьи — предложить подходы/методику по оценке устойчивого развития северных регионов на основе демографических показателей как в статике, так и в динамике.

Объект исследования — 13 регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям.

Предмет исследования — оценка степени демографической устойчивости северных регионов, с выделением критической, низкой, средней и высокой.

Информационная база — материалы Росстата за 2000—2015 гг. и результаты опроса экспертов 2017 г.

Представлены первые результаты исследования по оценке устойчивого развития северных регионов России на основе демографических показателей.

Концепция устойчивого развития

В конце 1960-х гг. промышленно развитые страны столкнулись с проблемами, которые невозможно было решить в рамках старой модели развития. Темпы использования человечеством важнейших видов природных ресурсов, нерациональная структура производства и потребления привели к образованию многих видов загрязнения окружающей среды, которые превышали допустимые пределы.

Одними из первых на эти проблемы обратили внимание члены Римского клуба, объединяющего выдающихся ученых, бизнесменов и государственных деятелей, которые в 1972 г. подготовили доклад «Пределы роста». Доклад вызвал сенсацию. Авторы исследования пришли к выводу, что, если существующие тенденции роста численности населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов останутся неизменными, пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет.

Однако эти тенденции можно изменить и создать условия экономической и экологической стабильности, которая сохранится и в далеком будущем. Экономика должна удовлетворять потребности людей, но ее рост должен вписываться в пределы экологических возможностей планеты. Вместо хаотичного беспредельного роста необходимо сбалансированное устойчивое развитие цивилизации.

Основные подходы, определившие необходимость создания концепции устойчивого развития, были заложены в 1972 г. на Стокгольмской конференции по окружающей среде — первой всемирной встрече по проблемам экологии [1].

Концепция «устойчивого (sustainability) общества» впервые была сформулирована в 1974 г. в документах Всемирного совета церквей как ответ на появление в развивающихся странах идей о преувеличенности опасений относительно проблем состояния окружающей среды в условиях, когда огромная часть человечества живет в условиях нищеты, голода, болезней [28].

Концепция устойчивого развития вышла на международную арену после опубликования в 1987 г. Доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию Организации Объединенных Наций (ООН) «Наше общее будущее» (WCED, 1987). Этот доклад часто на-

зывают докладом Брундтланд по имени Гру Харлем Брундтланд — председателя комиссии. Доклад был очень важен для расширения концепции устойчивого развития за пределы вопросов охраны окружающей среды и **для включения социальных аспектов** на национальном и международном уровне. В нем впервые появилась базовая формулировка «устойчивое развитие — это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». В докладе содержится ключевая идея устойчивого развития — как баланса между поколениями.

В докладе комиссии Брундтланд озвучена концепция устойчивого развития, а конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) и в Йоханнесбурге (2002) придали мощный импульс проведению оценки устойчивого развития. Организация Объединенных Наций создала Комиссию по устойчивому развитию (КУР ООН) в начале 1990-х гг., а в 1993 г. комиссией был предложен первый набор показателей устойчивого развития (ПУР) [13, с. 12]. Рио-92 принято считать отправной точкой по изучению и оценке устойчивого развития в планетарном масштабе.

В контексте всех принятых документов устойчивое развитие следует понимать не как конечную цель, а как динамический процесс адаптации, познания и деятельности. Это процесс выявления, изучения и использования взаимосвязей — прежде всего тех, которые существуют между экономикой, обществом и природной средой.

Концепции и Стратегии устойчивого развития в Российской Федерации

В Российской Федерации приняты концепции и стратегии по устойчивому развитию. В феврале 1994 г. выходит Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (4 февраля 1994 г., № 236), который утратил силу с 19 апреля 2017 г. в связи с изданием Указа Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» (19 апреля 2017 г., № 176). В апреле 1996 г. выходит Указ Президента Российской Федерации

«О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1 апреля 1996 г., № 440). В 2009 г. Правительством Российской Федерации утверждается «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (4 февраля 2009 г. № 132-р), а в 2015 г. утверждается «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (2 февраля 2015 г. № 151-р в ред. от 13 января 2017 г.).

В Указе устойчивое развитие сводится к сбалансированному решению социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. Отмечается необходимость реализации комплекса мер, направленных на сохранение жизни и здоровья человека, решение демографических проблем. Признается, что переход к устойчивому развитию России возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов [10].

В Концепции устойчивого развития малочисленных народов Севера предполагается укрепить их социально-экономический потенциал, сохранить исконную среду обитания, традиционный образ жизни и культурные ценности на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений. Отмечается, что нарушение традиционного уклада жизни в 1990-е гг. привело к развитию целого ряда заболеваний и патологий среди представителей малочисленных народов Севера. Значительно выше среднероссийских показателей среди этих народов показатели младенческой и детской смертности, заболеваемости инфекционными заболеваниями и алкоголизмом. В этой связи ставится задача создания условий для улучшения демографических показателей малочисленных народов Севера, в том числе путем снижения детской смертности и увеличения продолжительности жизни до среднероссийского уровня. В результате реализации мероприятий второго этапа (2012—2015 гг.) предполагается достигнуть положительных демографических тенденций среди большинства малочисленных народов Севера, включая увеличение показателя ожи-

даемой продолжительности жизни, увеличение в 1,3 раза по сравнению с 2007 г. суммарного коэффициента рождаемости, снижение смертности детей первого года жизни в 1,5 раза по сравнению с 2007 г. В результате реализации мероприятий третьего этапа (2016—2025 гг.) к 2025 г. предполагается достигнуть среднероссийских показателей качества жизни малочисленных народов Севера, а также снизить смертность детей первого года жизни не менее чем в 2 раза по сравнению с 2007 г. [5].

Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. направлена на создание условий для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни, что позволит сохранить социальный и экономический потенциал сельских территорий и обеспечить выполнение ими общенациональных функций — производственной, демографической, трудоресурсной, пространственно-коммуникационной, сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, поддержание социального контроля и освоенности сельских территорий.

На фоне высокой рождаемости, обеспечивающей расширенное воспроизводство сельского населения, сохраняются такие проблемы демографического развития сельских территорий, как низкая ожидаемая продолжительность жизни и миграционный отток населения. Следствием миграционного оттока молодежи является деградация человеческого потенциала сельских территорий, а при привлечении рабочей силы вахтовым методом — рост социальной напряженности. В этой связи в рамках Стратегии предполагается решить задачи, направленные на обеспечение молодыми квалифицированными кадрами агропромышленного комплекса и сельской экономики в целом, а также на облегчение трудовой мобильности; на создание условий для самореализации молодежи в сельской местности; на создание благоприятных условий для жизни сельских семей, особенно молодых и многодетных; на сокращение темпов убыли сельского населения; на поддержку переселения в сельскую местность, освоения заброшенных земель сельскохозяйственного назначения и расширения социального контроля над сельскими территориями [17].

Перечень докладов, деклараций и конвенций Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию

Первым всеобъемлющим документом по устойчивому развитию можно считать доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН «Наше общее будущее» (WCED, 1987) (доклад Комиссии Брундтланд).

Большой вклад в изучение УР внесла конференция ООН, прошедшая в Рио-де-Жанейро (3—14 июня 1992 г.), на которой были приняты:

- 1) Декларация по окружающей среде и развитию, содержащая 27 принципов достижения устойчивого развития, определяющие права и обязанности стран мира в обеспечении УР и повышения благосостояния людей;
- 2) Конвенция об изменении климата;
- 3) Конвенция о биологическом разнообразии;
- 4) Заявление о принципах защиты и управления всеми видами лесов;
- 5) Повестка дня на XXI век — программа, как сделать развитие устойчивым с социальной, экономической и экологической точек зрения.

В последнем документе впервые обращено внимание на взаимосвязь многих процессов с демографическим развитием. Так, в главе 5 «Динамика населения и устойчивое развитие» определяются программные области: а) накопление и распространение знаний о связях между демографическими тенденциями и факторами и устойчивым развитием; б) разработка комплексной национальной политики в области окружающей среды и развития, с учетом демографических тенденций и факторов; в) осуществление на местном уровне комплексных программ в области окружающей среды и развития, с учетом демографических тенденций и факторов.

В июне 1997 г. (Нью-Йорк) состоялась 19 специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам экологии и устойчивого развития, посвященная претворению в жизнь «Повестки дня на XXI в.». Она вошла в историю как «Встреча на высшем уровне по проблемам Земли» (Рио+5).

На саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (26 августа — 4 сентября 2002 г.) (Рио+10) были приняты два важнейших доку-

мента: «Политическая декларация» и «План выполнения решений Всемирного саммита в Йоханнесбурге». В этих документах участники подтвердили свои намерения следовать принципам устойчивого развития. Наряду с традиционными экологическими проблемами на пути к устойчивому развитию в Декларации уделено большое внимание социальным проблемам, таким как голод, иностранная оккупация, распространение наркотиков, коррупция, организованная преступность, стихийные бедствия, торговля оружием, торговля людьми, терроризм, этнические религиозные угрозы, а также болезни. Представленные в «Плане» цели имеют конкретные количественные параметры:

— снизить до 2015 г. вдвое долю людей, чей доход составляет менее 1 долл. в день;

— уменьшить до 2015 г. на 2/3 показатели смертности детей до 5 лет и на 75 % — материнскую смертность по сравнению с показателями 2000 г.;

— к 2020 г. достичь такого производства и потребления химических веществ, которое позволило бы снизить их вредное воздействие на природную среду и организм человека;

— к 2010 г. добиться снижения темпов сокращения биоразнообразия;

— к 2010 г. добиться доступности развивающихся стран к эффективным заменителям озоноразрушающих веществ.

В 2012 г. состоялась Конференция ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (20—22 июня), получившая название «Рио+20». На конференции планировалось принять решение по двум основным темам: «Зеленая экономика в контексте устойчивого развития и преодоления бедности» и «Институциональные рамки устойчивого развития». Однако из-за противоречия в переговорных позициях стран относительно содержания итогового документа и возможных обязательствах стран большого прорыва в решении ключевых вопросов повестки конференции не получилось. На подготовку форума в значительной степени оказал влияние мировой финансово-экономический кризис, поэтому принять конкретные решения по увеличению финансовой помощи на цели развития — приоритетный вопрос для развивающихся стран — также не удалось. Итоговый документ с символическим названием «Будущее, которого мы хотим», подготовленный по правилам системы ООН, отражает имеющийся се-

годня компромисс между странами в отношении их видения новой парадигмы развития.

И наконец, 25 сентября 2015 г. в Нью-Йорке Генеральная Ассамблея ООН принимает итоговый документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». «Повестка дня — 2030» — это план действий для людей, планеты и процветания. Она направлена на укрепление всеобщего мира в условиях большей свободы. Признается, что ликвидация нищеты во всех ее формах и проявлениях, включая крайнюю нищету, является важнейшей глобальной задачей и одним из необходимых условий устойчивого развития. В ней ставятся 17 целей и 169 задач [12, с. 3].

Показатели, характеризующие устойчивое развитие

В «Повестке дня на XXI век» всем странам и международным организациям было рекомендовано разработать концепцию показателей устойчивого развития (ПУР). А координация работ по широкому использованию ПУР должна осуществляться под руководством Статистического управления Секретариата ООН, поскольку в этом Управлении происходит накопление нового опыта в данной области [3, с. 505]. Первый набор показателей для целей устойчивого развития был рекомендован Комиссией ООН по устойчивому развитию (КУР) в 1993 г., он включал 132 показателя [33]. Впервые он был опубликован в 1995 г. Впоследствии этот набор был пересмотрен в 2001 и 2006 гг. Набор, предложенный КУР ООН, не является обязательным и не основан на одной статистической базе данных. Он призван предоставить общую отправную точку для разработки национальных наборов ПУР [13, с. 14, 133].

Мировой опыт в области разработки ПУР показал, что существуют два подхода к их построению. Первый подход: построение системы показателей, каждый из которых отражает отдельные аспекты УР. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей: экологические, экономические, социальные, институциональные.

Второй подход связан с построением интегрального, агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устой-

чивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей: эколого-экономических, эколого-социально-экономических, экологических [18, с. 128]. Кроме показателей, для оценки устойчивого развития применяются спутниковые счета (инструмент дополнительного анализа отдельных важных аспектов экономического и социального развития общества на основе подхода системы национальных счетов).

Комплексные показатели, разработанные в 1990-х гг. рядом экономистов, опирались на результаты работы, начатой в 1960-х и 1970-х гг., к ним относятся такие показатели, как индекс устойчивого экономического благосостояния [31], подлинный индикатор прогресса [30], индекс экономического благосостояния [38], истинные сбережения [39], показатель устойчивых чистых выгод [35].

В этот период появились и другие комплексные показатели. Самый наглядный пример — индекс развития человека (ИРЧ), который ежегодно публикуется Программой развития ООН (ПРООН) и рассчитывается как средневзвешенное значение показателей, характеризующих экономику, образование и здоровье. Другой важный показатель, появившийся в этот период, — это экологический след (Ecological Footprint), который характеризует площадь биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства используемых людьми ресурсов и поглощения отходов [40]. Другими примерами комплексных показателей являются Индекс счастливой планеты (Международный индекс счастья), индекс устойчивости общества и индекс «живой планеты» (LPI).

Существуют показатели, которые приобрели известность в 1990-е и 2000-е гг. и основаны на измерении субъективного благополучия людей. Эти показатели рассчитываются на основе оценок удовлетворенности самих людей своей жизнью или оценок их чувств по поводу недавних эпизодов своей жизни [34]. Хотя такие субъективные оценки обсуждались экономистами с начала 1970-х гг. [32], в последнее десятилетие эта область получила значительный импульс к развитию [29; 36].

С середины 1990-х гг. все большее число национальных статистических служб и международных организаций стали использовать наборы показателей для оценки устойчивого раз-

вития. При таком подходе многомерный характер устойчивого развития не сводится к одной оценке, а представлен широким спектром показателей, которые предоставляют информацию по различным аспектам устойчивого развития. Согласно рекомендациям Конференции европейских статистиков (КЕС), система измерения может быть основана на концептуальном мышлении, научной литературе и теоретических представлениях об «устойчивости», «развитии», сохранении устойчивости объекта и пр. Набор ПУР также может быть предназначен для оценки тех областей, которые считаются наиболее важными для лиц, занимающихся выработкой политики, и других заинтересованных сторон.

Важным критерием для выбора показателей УР является их соответствие стандартам качества официальных статистических данных [13, с. 12—13, 15].

Однако при всей комплексности измерения устойчивого развития, на наш взгляд, недостаточно полно были представлены показатели по оценке демографических процессов, они были явно «однобокими» и не отражали все стороны демографической динамики. В настоящее время демографические показатели представлены в основных системах индикаторов УР. Наиболее полно они отражены в системе 16 глобальных показателей ООН [15]. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рекомендовано 12 показателей [37, с. 24]. На один меньше для оценки УР использует Всемирный банк (ВБ) — 11 показателей [41]. Десять показателей использует Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств (СНГ) [11]. Российская Федерация в свой перечень включила девять показателей [4], и всего шесть показателей по измерению УР рекомендовала КЕС [13, с. 83—85]. Все демографические ПУР представлены в табл. 1. Код показателя указывает на номер цели из «Повестки дня — 2030» в области УР, достижение которой он характеризует (табл. 1).

Из представленных данных видно, что только один показатель присутствует во всех системах — коэффициент смертности от самоубийств. Если исключить из анализа показатели КЕС, то сквозных показателей будет пять. В то же время следует обратить внимание, что из шести показателей, рекомендованных КЕС, четыре имеют свою исключительность. Особого

Таблица 1

**Демографические показатели устойчивого развития,
используемые международными организациями и Россией**

Код	Показатель	Системы показателей					
		ООН 2016	ВБ 2017	ОЭСР 2017	СНГ 2016	РФ 2017	КЕС 2014
	Численность населения						+
3.2.3	Родившихся с низкой массой тела			+			
3.7.1	Доля женщин репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет), чьи потребности по планированию семьи удовлетворяются современными методами	+	+ ¹		+	+ ²	
3.7.2	Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в данной возрастной группе	+	+ ³	+	+	+	
3.1.1	Коэффициент материнской смертности	+	+	+	+	+	
3.2.1	Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет	+	+ ⁴	+	+	+	
3.2.2	Коэффициент неонатальной смертности	+	+	+	+	+	
3.4.1	Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	+	+ ⁵		+	+	
3.4.1	Преждевременная смертность (потерянные годы потенциальной жизни)			+			
3.4.2	Коэффициент смертности от самоубийств	+	+	+	+	+	+
3.6.1	Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий	+	+	+ ⁶	+	+	
3.9.1	Смертность от загрязнения воздуха в жилых помещениях и атмосферного воздуха	+		+			
3.9.2	Смертность от отсутствия безопасной воды, безопасной санитарии и гигиены (от отсутствия безопасных услуг в области водоснабжения, санитарии и гигиены для всех)	+		+			
3.9.3	Смертность от неумышленного отравления	+		+			
11.5.1	Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 000 человек	+					
16.1.1	Число жертв умышленных убийств на 100 000 человек в разбивке по возрастной группе и полу	+	+	+ ⁷	+ ⁸		+ ⁹
16.1.2	Число связанных с конфликтами смертей на 100 000 человек (в разбивке по возрастной группе, полу и причине)	+	+		+ ⁸		
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении						+
	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении						+
5.3.1	Доля женщин в возрасте от 20 до 24 лет, вступивших в брак или союз до 15 лет и до 18 лет	+	+ ¹⁰			+	
10.7.2	Число стран, проводящих хорошо продуманную миграционную политику	+					
	Миграция человеческого капитала						+

Внесены уточнения: ¹ доля замужних женщин, ² от 18 до 44 лет, ³ в возрасте от 15 до 19 лет, ⁴ по полу, ⁵ между 30 и 70 годами, ⁶ смертность от транспортных аварий, ⁷ смертей от нападений, ⁸ по полу, возрасту и причине, ⁹ процент смертности в результате насилия/убийства, ¹⁰ вступивших в брак до 18 лет.

внимания заслуживают два: миграция человеческого капитала и ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ), в том числе здоровой жизни.

Показатель *миграции* важен тем, что когда люди мигрируют или временно перемещаются в другие страны, их человеческий капитал (образование, здоровье) также перемещается. С одной стороны, миграция сокращает запасы человеческого капитала в стране происхождения, но с другой стороны, она генерирует денежные переводы и создает опыт работы, который принесет пользу стране происхождения, когда мигранты возвратятся домой [13, с. 24]. ОПЖ является хорошо сопоставимым интегральным показателем, одним числом характеризующим благополучие общества.

Анализируя представленные системы ПУР можно отметить, что их общим недостатком является то, что в них преобладают показатели смертности и игнорируются другие показатели демографической устойчивости.

Демографические показатели оценки устойчивого развития северных регионов России

В свое время проблема устойчивого развития с точки зрения сохранения территорий Севера для будущих поколений и создания комфортных условий проживания была рассмотрена нами [7, 8, 20], в отраслевом аспекте [22, 26], в этническом плане [21]; раскрыта взаимосвязь между системой расселения и устойчивым развитием [23, 25]. В последние годы, с осознанием ключевой роли человеческого потенциала в развитии стран, наряду с экологическими и экономическими аспектами усилилось внимание и к социальным. Относительно северных и арктических регионов можно выделить две работы по социальной устойчивости [6, 16]. В них достаточно подробно описана история развития категории «социальная устойчивость», дается набор показателей по ее оценке. Социальную устойчивость регионов авторы кратко определяют как «качество общества» и предлагают оценивать на основе интегральных индексов уровня устойчивости по блокам «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования населения», «качество городской среды», «уровень жизни населения», «демографическое развитие».

Бесспорным является посыл, что экономическое благополучие России обеспечивается устойчивым развитием северных регионов. Чтобы и в обозримой перспективе эта роль сохранялась, необходимо иметь здесь достаточный демографический и трудовой потенциал [19]. Для их поддержания демографические процессы должны иметь позитивную динамику во времени, а показатели, по их оценке, на текущий момент должны быть выше/ниже общероссийских показателей в зависимости от оцениваемого явления.

Для оценки УР северных регионов предлагаются два подхода. Первый базируется на применении демографических показателей [24, с. 273—275]. Второй подход оценки УР основан на использовании интегрального индекса, рассчитанного по четырем демографическим факторам.

Первый подход. Для оценки устойчивого развития северных территорий выбрано 12 демографических показателей, которые, на наш взгляд, характеризуют устойчивое (или неустойчивое) развитие регионов и по которым имеется доступная статистика. За эталон возьмем значение показателя по России, знак «+» означает, что показатель по северному региону лучше, знак «=» означает, что оно равно ему, отсутствие знака — что показатель хуже [27] (табл. 2).

Опишем демографические показатели по оценке устойчивого развития северных регионов России, табл. 2.

1) *динамика численности населения.* За последние 27 лет (1990—2017 гг.) численность населения России сократилась на 0,6 % (на 2,2 % без учета Республики Крым и г. Севастополь). В северных регионах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, уменьшилась с 9731 до 7862 тыс. человек, т. е. убыль населения составила 1 млн 869 тыс. человек — за счет превышения миграционного оттока (2 млн 233 тыс. человек) над естественным приростом (364 тыс. человек). Численность населения в 2017 г. по отношению к 1990 г. составила по России 99,4 %, а по северным регионам — 80,8 %. В трех регионах произошло увеличение численности населения — в Ханты-Мансийском АО (129,9 %), в Ямало-Ненецком АО (109,6 %) и в Республике Тыва (101,9 %); у остальных регионов снижение было больше,

Таблица 2

Сравнение демографических показателей северных регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, с Российской Федерацией*

Регионы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Сумма положительных оценок
Республика Карелия					=								0
Архангельская область					+								1
Мурманская область			+					+	+	+			4
Магаданская область			+				+	+	+	+			5
Камчатский край		=	+	+	+			+	+	+			6
Ненецкий АО		+	+	+	+				+	+			6
Республика Саха (Якутия)		+	+	+	+				+	+			6
Республика Коми		+	+	+	+			+	+	+			7
Сахалинская область		+		+	+		+	+	+	+			7
Чукотский АО		+	+	+	+			+	+	+			7
Республика Тыва	+	+	+	+	+		+		+	+			8
Ямало-Ненецкий АО	+	+	+	+	+	+		+	+	+			9
Ханты-Мансийский АО-Югра	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	10

* ранжировано по возрастанию оценок

+ показатель лучше по сравнению с РФ

чем по России в целом. Сокращение численности населения на Севере происходит более быстрыми темпами, чем по стране в целом, что ведет к обезлюдению территории, снижению людности поселений, уменьшению ресурсов труда. Такая динамика численности населения не способствует устойчивому развитию Севера России.

2) *общий коэффициент рождаемости* в 2016 г. по России составлял 12,9 ‰, в четырех регионах его величина была ниже общероссийского уровня, в одном соответствовала ему, а три имели расширенное воспроизводство населения (16 ‰ и выше).

3) *общий коэффициент смертности* в 2016 г. по России составлял 12,9 ‰, в трех регионах смертность была выше, а в Республике Карелия выше допустимого уровня — 14,8 ‰ (14,0 ‰).

4) *общий коэффициент естественного прироста* в 2016 г. в девяти регионах был выше общероссийского и имел положительную величину, четыре — отрицательную величину — признаки депопуляции.

5) *суммарный коэффициент рождаемости* в 2016 г. по России составлял 1,76, что ниже простого замещения поколений (2,1—2,2). В 10 регионах он был выше общероссийского уровня, а в шести из них было расширенное воспроизводство.

6) *ожидаемая продолжительность жизни* в 2016 г. для обоих полов составила 71,87 лет. Только в Ханты-Мансийском АО-Югра и Ямало-

Ненецком АО она была выше, чем в России (ВОЗ рекомендовала достичь ОПЖ в 75 лет к 2015 г.).

7) *заболеваемость населения* (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) в 2014 г. по России составила 787,1 случая на 1000 человек. В десяти регионах она была значительно выше, чем по России. И только в трех: в Республике Тыва, Магаданской и Сахалинской обл. — она была ниже российского уровня. Как предположение — это можно объяснить тем, что здесь хуже представлены медицинская инфраструктура и первичная диагностика.

8) *численность лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами*, в расчете на 10 тыс. человек в 2014 г. по России составил 61,8, в пяти субъектах он превышал это значение. В остальных восьми значительно ниже. Рекордно низким он был в Ямало-Ненецком АО — 28,8 и Мурманской обл. — 36,2.

9) *доля населения старше трудоспособного возраста* в 2017 г. по стране составляла 25,0 %. В целом по северным субъектам она значительно ниже. Только в двух она выше: в Республике Карелия — 26,6 и Архангельской обл. — 25,8 %.

10) *коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста* в 2017 г. по России составил 441 (на 1000 трудоспособных). Только в Республике Карелия и Архангельской обл. эта нагрузка была выше.

11) *мужчины и женщины в возрасте 16 лет и более, состоящие в незарегистрированном*

браке. По этому показателю все северные регионы характеризуются повышенной неустойчивостью. Так, если в 2010 г. по России на 1000 человек приходилось 84 «сожителя», то в Республике Тыва — 187, в Магаданской и Сахалинской обл. — по 141 «сожителю».

12) коэффициент миграционного прироста в 2016 г. по России составлял 1,8 ‰, и только в Ханты-Мансийском АО он был положительный и выше (2,4 ‰).

Теперь все северные регионы можно ранжировать по числу набранных положительных оценок. Мы предложили шкалу, позволяющую сгруппировать все регионы в четыре группы по степени устойчивого развития на основе демографических показателей: критическая, низкая, средняя и высокая (табл. 3).

Группа с критической устойчивостью по демографическим показателям имеет все рассматриваемые показатели хуже по сравнению с РФ, за исключением суммарного коэффициента рождаемости. Группа с низкой устойчивостью объединяет регионы, имеющие коэффициент смертности, долю населения старше трудоспособного возраста, коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста с ожидаемой продолжительностью жизни ниже среднероссийского уровня и миграционной убылью населения. Средняя группа включает показатели низкой группы и дополнительно — коэффициент рождаемости, коэффициент естественного прироста и суммарный коэффициент рождаемости выше среднероссийского уровня. Наивысшую на Севере устойчи-

вость Ханты-Мансийскому АО обеспечивают все показатели, за исключением двух.

Второй подход. Выбраны четыре демографических фактора: рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, миграция и половозрастной состав населения. Каждый фактор включает ряд показателей. Группа показателей рождаемости направлена на реализацию цели устойчивого развития «хорошее здоровье и благополучие». Главным показателем уровня рождаемости выступает суммарный коэффициент рождаемости, показывающий, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15—49 лет) при неизменных возрастных коэффициентах рождаемости. Этот показатель хорош тем, что его значение не зависит от возрастной структуры населения. Поэтому он может применяться для сравнения разных территорий и для анализа в динамике. Для устойчивого демографического развития территории суммарный коэффициент рождаемости должен превышать уровень простого замещения поколений (2,1—2,2 рожденных детей на 1 женщину), при котором от поколения к поколению численность населения не сокращается. Из регионов Севера в 2015 г. этот уровень был достигнут во всех четырех автономных округах, а также в республиках Саха и Тыва. В последней он настолько высок (3,4), что рождаемость уже может вызвать негативные социальные последствия. Вторым показателем — доля родившихся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе родив-

Таблица 3

Ранжирование северных регионов России по степени устойчивого развития (по 12 демографическим показателям, количество положительных оценок)

Степень устойчивого развития	Регионы
1—3 критическая	Республика Карелия Архангельская область
4—6 низкая	Мурманская область Магаданская область Камчатский край Ненецкий АО Республика Саха (Якутия)
7—9 средняя	Республика Коми Сахалинская область Чукотский АО Республика Тыва Ямало-Ненецкий АО
10—12 высокая	Ханты-Мансийский АО — Югра

шихся. Наибольшая внебрачная рождаемость в 2015 г. была в Республике Тыва (65,6 %), наименьшая — в Ханты-Мансийском АО (18,5 %). Третий показатель рождаемости — *число аборт*ов на 1000 женщин в репродуктивном возрасте. Число абортов значительно сократилось за последние 15 лет. Самый высокий уровень в 2015 г. также был в Тыве (47,2), самый низкий — в Камчатском крае (24,3). Большое число абортов свидетельствует о низкой репродуктивной грамотности населения и выступает фактором демографической неустойчивости.

Группа показателей продолжительности жизни способствует достижению целей устойчивого развития «хорошее здоровье и благополучие» и «гендерное равенство». Главный ее показатель — *ожидаемая продолжительность жизни при рождении*, отражающий число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется неизменным. Ожидаемая продолжительность жизни характеризует не только смертность, но и качество жизни населения, его здоровье, а также степень развития общества в целом. Согласно Программе действий, принятой на Международной Каирской конференции 1994 г., все страны должны стремиться к тому, чтобы ожидаемая продолжительность жизни к 2015 г. превысила 75 лет. На 2015 г. ни один из северных субъектов РФ не достиг этого уровня. Ближе всех к нему приблизился Ханты-Мансийский АО (72,6 лет). Однако в девяти северных регионах ожидаемая продолжительность жизни женщин превышает 75 лет. Поэтому одним из показателей выбрана *разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин*, которая должна быть минимизирована. Следующий показатель — *коэффициент младенческой смертности*, который также отражает степень развития здравоохранения и качество жизни матерей. Наконец, четвертый показатель смертности — *коэффициент смертности от внешних причин*. Высокая смертность от внешних причин (убийств, самоубийств, несчастных случаев) свидетельствует о недостаточном развитии общества, низком уровне жизни.

Группа показателей миграции преследует цели устойчивого развития «достойная работа и экономический рост» и «уменьше-

ние неравенства». Первый показатель миграции — *коэффициент миграционного прироста*. Чем более регион привлекателен для мигрантов, тем больше в нем возможности для комфортной жизни и самореализации. В 2015 г. из всех северных регионов миграционный прирост наблюдался только в Ненецком АО. Миграционная убыль населения представляет опасность для устойчивости Севера. Вторым показателем — *коэффициент миграционного прироста населения трудоспособного возраста*. Он характеризует миграционный обмен трудовыми ресурсами с другими регионами и странами. Миграционный отток трудоспособного населения может привести к росту демографической нагрузки и ухудшению социального положения территории. Третий показатель — *коэффициент миграционного прироста населения, имеющего профессиональное образование*. Приток образованного населения в 2015 г. был лишь в Ненецком АО, а наибольший отток — в Ямало-Ненецком. Три показателя миграции тесно взаимосвязаны, но позволяют учитывать трудоспособное и образованное население, необходимое для развития экономики Севера с более высоким весом в составе населения и разрабатывать миграционную политику, соответствующую целям устойчивого развития.

Группа показателей состава населения по полу и возрасту реализует цели устойчивого развития «достойная работа и экономический рост» и «уменьшение неравенства». Первый показатель — *доля лиц в трудоспособном возрасте в общей численности населения*. Сокращение удельного веса населения трудоспособного возраста, наблюдаемое сегодня в России, является неизбежным результатом повышения ожидаемой продолжительности жизни и рождаемости, но его социально-экономические последствия могут носить негативный характер. Вторым показателем — *коэффициенты демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста*. Население большинства регионов Севера уже нельзя охарактеризовать как молодое. По шкале демографического старения ООН возрастную структуру населения 9 из 13 северных субъектов РФ можно определить как старую (доля населения в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %), еще трех — как находящуюся на пороге старости (от 4 до 7 %) и только Ямало-Ненецкий АО имеет молодое население (2,8 %). Рост демографической нагруз-

ки приводит к уменьшению валового продукта на душу населения, замедлению роста доходов населения. На Севере самая высокая нагрузка молодыми в 2015 г. зафиксирована в Тыве (617), а самая низкая — в Мурманской области (300). Наибольшая нагрузка пожилыми сегодня в Карелии (464), а наименьшая — в Ямало-Ненецком АО (151). Третий показатель характеризует соотношение полов, а именно *число женщин на 1000 мужчин*. Чем выше неравенство в числе мужчин и женщин, тем больше это может вызвать проблем на брачном рынке. В 2015 г. наибольшие диспропорции на Севере отмечались в Карелии (1193 женщины на 1000 мужчин).

По опросу 26 экспертов каждый демографический фактор и показатель получили свой вес. Далее рассчитываются интегральные индексы, определяется размах их вариации как разность между наибольшим и наименьшим значением признака в изучаемой совокупности за четыре года. Разница между полярными значениями (38—69) была разделена на равные четыре интервала, как и в первом подходе. Затем по величине интегрального индекса

все северные регионы ранжированы по степени устойчивого развития по демографическим показателям, табл. 4.

По степени устойчивого развития в критическую группу в 2000 г. попали: Архангельская обл. (41), Республики Карелия (41) и Тыва (38), Магаданская обл. (45) и Чукотский АО (40). В 2005 г. критическую зону покинули Магаданская обл. (48) и Чукотский АО (53), но в нее вошла Сахалинская обл. (45). В 2010 и 2015 гг. не было субъектов с критическим уровнем УР. Все годы низкий уровень УР имели Республика Коми (46—50) и Сахалинская обл. (46—51) (исключение 2005 г. — 45). Выше всех демографическая устойчивость в Ямало-Ненецком (59—63) и Ханты-Мансийском АО (61—66), табл. 5.

Рассматривая демографическую устойчивость (ДУ) в динамике, можно отметить следующее. С 2000 по 2015 гг. Россия увеличила ДУ на 10 пунктов (п.), Север России — на шесть и Арктика — на четыре. Наибольшее приращение устойчивости отмечено в Чукотском АО — 13 п., в Ненецком АО и Республике Тыва — по 12 п. Объяснить это можно тем, что эти реги-

Таблица 4

Ранжирование северных регионов по степени устойчивого развития по демографическим показателям, 2000—2015 гг.

Степень ДУ	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
62—69 высокая		↑Ханты-Мансийский АО ↑Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО
54—61 средняя	Ханты-Мансийский АО Ямало-Ненецкий АО		↑Ненецкий АО ↑Мурманская обл. ↑Республика Якутия ↑Камчатский край	Ненецкий АО Мурманская обл. Республика Якутия Камчатский край ↓Ямало-Ненецкий АО
46—53 низкая	Республика Коми Ненецкий АО Мурманская обл. Республика Якутия Камчатский край Сахалинская обл.	Республика Коми Ненецкий АО Мурманская обл. Республика Якутия Камчатский край ↑Магаданская обл. ↑Чукотский АО	Республика Коми ↑Республика ↑Карелия ↑Архангельская обл. ↑Республика Тыва ↑Сахалинская обл. Магаданская обл. Чукотский АО	Республика Коми Республика Карелия Архангельская обл. Республика Тыва Сахалинская обл. Магаданская обл. Чукотский АО
38—45 критическая	Республика Карелия Архангельская обл. Республика Тыва Чукотский АО Магаданская обл.	Республика Карелия Архангельская обл. Республика Тыва ↓Сахалинская обл.		

* символом ↓ выделены регионы, ухудшившие свое положение, ↑ — улучшившие его.

Таблица 5

**Индексы устойчивого развития северных регионов России,
рассчитанные по демографическим показателям, 2000—2015 гг.**

Регионы	Индекс УР, рассчитан по демографическим показателям				Увеличение индекса УР в 2000—2015 гг.*
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	
Российская Федерация	43	46	52	53	10
Северные регионы	49	50	54	55	6
Чукотский АО	40	53	49	53	13
Ненецкий АО	47	48	54	59	12
Республика Тыва	38	42	49	50	12
Камчатский край	50	51	55	57	7
Республика Саха (Якутия)	48	51	54	55	7
Архангельская область	41	41	47	47	6
Республика Карелия	41	42	46	47	6
Сахалинская область	46	45	48	51	5
Магаданская область	45	48	50	50	5
Ханты-Мансийский АО	61	62	66	65	4
Мурманская область	51	51	54	55	4
Республика Коми	46	46	50	50	4
Ямало-Ненецкий АО	59	63	63	61	2
Регионы, полностью входящие в Арктическую зону РФ	53	55	57	57	4

* регионы ранжированы по убыванию, 2015 г.

оны в 2000 г. имели самую низкую ДУ. В то же время Ямало-Ненецкий АО увеличил демографическую устойчивость всего на два пункта, но в 2000 г. он был одним из лидеров по демографической устойчивости. Приводя эти цифры, мы хотели подчеркнуть, что демографическая устойчивость — не застывший процесс, она имеет позитивную динамику благодаря мерам демографической политики [2, 9, 14].

Заключение

Все больше стран мира, независимо от экономического потенциала, численности населения и занимаемой площади, присоединяются к целям устойчивого развития. Среди наиболее важных целей политики регионального развития — повышение благосостояния, а также уровня жизни во всех типах регионов. В «Повестке дня — 2030» подчеркивался глобальный характер современного развития, и многие вопросы развития (глобальное изменение климата, здравоохранение, миграция и т. д.) были сформулированы как глобальные проблемы, требующие глобальных ответных мер. С 2015 г. страны всего мира начали строить свои планы работ по мониторингу целей устойчивого развития и стремиться достичь

целевых значений системы показателей. Так же поступила и Россия.

Проведенный анализ показывает, что более высокие показатели устойчивого развития демонстрируют регионы, экономическое освоение которых происходило позднее. Самая низкая устойчивость зафиксирована на давно обжитых территориях Русского Севера, а наивысшая — в Западной Сибири, активное освоение которой пришлось на последнюю четверть XX в., что позволило, сохранив высокие показатели рождаемости, сформировать достаточно молодой возрастной состав. Высокая доходность добывающих отраслей Западной Сибири сдерживает миграционный отток из этих регионов и позволяет достигнуть уровня жизни, необходимого для долголетия.

Степень устойчивого развития северных территорий предложено оценивать с использованием демографических показателей и факторов. Это первый опыт подобной работы. Предстоит разработать интегральный показатель, позволяющий раскрыть влияние демографических и трудовых факторов на устойчивое развитие регионов Российского Севера.

Авторы выражают признательность Анне Гончаренко и Ирине Панариной за помощь в подготовке рукописи к печати.

Список литературы

1. Андрианов В. Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики (от теории меркантилизма до теории функциональных экономических систем) // Общество и экономика. 2005. № 4. С. 3—47.
2. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980—2000 гг.: монография / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 168 с. (Б-ка демографа; Вып. 18).
3. Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3—14 июня 1992 года. Том I. Резолюции, принятые на Конференции ООН: Нью-Йорк, 1993. 520 с.
4. Календарь публикации официальной статистической информации по показателям достижения целей устойчивого развития Российской Федерации. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_calendar.htm (дата обращения: 12.04.2018).
5. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ № 132-р от 4 февраля 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Корчак Е. А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни населения регионов Севера России // Эко. 2016. № 3. С. 80—95.
7. Лыткина Т. С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3 (74). С. 33—47.
8. Лыткина Т. С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03: защищена 15.06.2005 / Лыткина Татьяна Степановна. М., 2005. 177 с.: Библиогр.: С. 167—177.
9. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, В. А. Залевский; отв. ред. В. В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа, вып. 17).
10. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации № 440 от 1 апреля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Перечень показателей достижения Целей в области устойчивого развития для региона СНГ. По итогам обследования мнения статистических служб стран СНГ. Статкомитет СНГ, Проект. URL: <http://www.cisstat.com/sdgs/CIS-SDG%20001%20indicators%20list%2025-11-2016%20rus.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
12. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
13. Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. Нью-Йорк и Женева: ООН, 2014. 208 с. URL: http://www.cisstat.com/sdgs/ECE_CES_31_Rus.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
14. Рыбаковский Л. Л. Программа действий по улучшению демографической ситуации: Реализация Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. М.: МАКС Пресс, 2006. 168 с.
15. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework_A.RES.71.313%20Annex.Russian.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
16. Социальная устойчивость регионов Российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения / Л. А. Рябова, Е. Е. Торопушина, Е. А. Корчак и др. // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276—294.
17. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ № 151-р от 02.02.2015 в ред. от 13.01.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: природа — общество — человек: материалы международной конференции. М., 2006. Т.1. С. 127—144.

19. Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. 2014. № 4. С. 69—80.
20. Фаузер В. В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук. М., 1996. 328 с.: Библиогр.: С. 303—319.
21. Фаузер В. В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.
22. Фаузер В. В., Климашевская Е. В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 2004. 176 с.
23. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 18—31.
24. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографические показатели оценки устойчивого развития северных регионов России // Моделирование сценариев устойчивого развития северных регионов России в современных условиях. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 268—277.
25. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2. С. 40—50.
26. Фаузер В. В., Назарова И. Г., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / отв. редактор д. т. н., профессор Н. Д. Цхадая. М.: Экон-Информ, 2010. 174 с. (Б-ка демографа; Вып. 13).
27. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Демографические аспекты устойчивого развития северных территорий // Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24—25 октября 2017 г., ИПРЭ РАН. СПб.: ГУАП, 2017. С. 229—234.
28. Флуд Н. А. Как измерить «устойчивость развития»? // Вопросы статистики. 2006. № 10. С. 19—29.
29. Anielski M. The Economics of Happiness: Building Genuine Wealth / Canada: New Society Publishers, 2007. 288 p.
30. Cobb C., Halstead T, Rowe J. The Genuine Progress Indicator: Summary of Data and Methodology / Redefining Progress, 1995, 50 p.
31. Cobb J. B. For the Common Good: Redirecting the Economy Toward Community, the Environment and a Sustainable Future / Beacon Press, 1989, 534 p.
32. Easterlin R. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // Essays in Honor of Moses Abramovitz. 1974. pp. 89—125.
33. Indicators of Sustainable Development. UN Department for Policy Coordination and Sustainable Development, 1994.
34. Kahneman D., Krueger A. Developments in the Measurement of Subjective Well-Being // Journal of economic perspectives. 2006. vol. 20. pp. 3—24.
35. Lawn P, Sanders R. Has Australia surpassed its optimal macroeconomic scale? Finding out with the aid of 'benefit' and 'cost' accounts and a sustainable net benefit index // Ecological Economics. 1999. vol. 28. pp. 213—229.
36. Layard R. Happiness: Lessons from a New Science / UK: Penguin, 2011.
37. Measuring distance to the SDG targets. An assessment of where OECD countries stand June 2017. URL: <http://www.oecd.org/std/OECD-Measuring-Distance-to-SDG-Targets.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
38. Osberg L., Sharpe A. An Index of Economic Well-Being for Selected OECD Countries // Review of Income and Wealth. 2002. vol. 48. pp. 291—316.
39. Pearce D., Atkinson G. Capital theory and the measurement of sustainable development: an indicator of «weak» sustainability // Ecological Economics. 1993. vol. 8. pp. 103—108.
40. Rees W., Wackernagel M. Ecological Footprints and appropriated carrying capacity: measuring the natural capacity requirements of the human economy / Investing in Natural Capital. Washington DC: Island Press, 1994.
41. World Development Indicators 2017. Sustainable Development Goals. The World Bank. URL: <http://datatopics.worldbank.org/sdgs/> (дата обращения: 12.04.2018).

References

1. Andrianov V. D. *Evolyutsiya osnovnykh kontseptsii regulirovaniya ekonomiki (ot teorii merkantilizma do teorii funktsionalnykh ekonomicheskikh sistem)* [Evolution of Basic Conceptions of Economy's Regulation (from the theo-

ry of mercantilism to the theory of functional economic systems)]. *Obshchestvo i ekonomika — Society and economics*, 2005, no. 4, pp. 3—47.

2. *Demograficheskie i migratsionnye protsessy na Rossiyskom Severe: 1980—2000 gg.* [Demographic and migration processes in the Russian North: 1980—2000]. Syktyvkar, SGU im. Pitirima Sorokina, 2016, 168 p.

3. *Doklad Konferentsii OON po okruzhayushchei srede i razvitiyu.* Rio de Janeiro, 3—14 iyunya 1992 goda. Tom I. Rezolyutsii, prinyaty na Konferentsii [Report of the United Nations Conference on environment and development. Rio de Janeiro, 3—14 June 1992. Volume I Resolutions Adopted by the Conference]. UN: New York, 1993, 520 p.

4. *Kalendar publikatsii ofitsialnoi statisticheskoi informatsii po pokazatelyam dostizheniya tselei ustoichivogo razvitiya RF* [Calendar of official statistical information publication on indicators of Russian Federation sustainable development goals]. Russian Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_calendar.htm (accessed: 12.04.2018).

5. *Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF № 132-r ot 4 fevralya 2009 g.* [RF Government Decree No.132-r, dated February 4, 2009 “On Concept of Sustainable Development of Indigenous Peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation”]. Available at ConsultantPlus.

6. Korchak E. A. Dinamika sotsialnoi ustoichivosti i uroven zhizni naseleniya regionov Severa Rossii [The Dynamics of Social Sustainability and the Standart of Living of the Population of Regions of the Russian North]. *EKO — ECO*, 2016, no. 5, pp. 80—95.

7. Lytkina T. S. Sotsial'nyi potentsial severnogo goroda: ot ignorirovaniya k priznaniyu [Social potential of the northern cities of ignoring the recognition] *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2014, T. XVII, no. 3, pp. 33—47.

8. Lytkina T. S. *Ekonomicheskoe povedenie «novykh bednykh» v usloviyakh sotsialnoi transformatsii.* Diss. kand. sotsiol. nauk [The economic behavior of the «new poor» in the conditions of social transformation. Dissertation (Sociology)]. Moscow, 2005, 177 p.

9. *Naselenie severnykh regionov: ot kolichestvennykh pokazateley k kachestvennomu izmereniyu* [The population of the Northern regions: from quantitative indicators to qualitative measurement]. Syktyvkar, SGU im. Pitirima Sorokina, 2016, 240 p.

10. *O kontsepsii perekhoda Rossiiskoi Federatsii k ustoichivomu razvitiyu: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 440 ot 1 aprelya 1996 g.* [Decree of the President of the Russian Federation, No.440, dated April 1, 1996 “On the Concept of Transition of the Russian Federation Towards Sustainable Development”]. Available at ConsultantPlus.

11. *Perechen pokazateley dostizheniya Tselei v oblasti ustoichivogo razvitiya dlya regiona SNG. Proekt* [List of indicators for the achievement of the Sustainable Development Goals for the CIS region. Project]. Interstate Statistical Committee of the CIS. Available at: <http://www.cisstat.com/sdgs/CIS-SDG%20001%20indicators%20list%2025—11—2016%20rus.pdf> (accessed: 13.04.2018).

12. *Preobrazovanie nashogo mira: Povestka dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 g.* [Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development]. United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Available at: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (accessed: 12.04.2018).

13. *Rekomendatsii Konferentsii evropeiskikh statistikov dlya izmereniya ustoichivogo razvitiya* [Conference of European Statisticians recommendations on measuring sustainable development]. New York and Geneva: UN, 2014, 208 p.

14. Rybakovskiy L. L. *Programma deystviy po uluchsheniyu demograficheskoy situatsii: Realizatsiya Kontsepsii demograficheskogo razvitiya Rossiyskoy federatsii na period do 2015 goda* [The action program to improve the demographic situation: the Concept Implementation of demographic development of the Russian Federation for the period up to 2015] Moscow, MAKS Press Publ., 2006. 168 p.

15. *Sistema globalnykh pokazateley dostizheniya tselei v oblasti ustoichivogo razvitiya i vypolneniya zadach Povestki dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda* [Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development]. UN, 2017. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/313> (accessed: 12.04.2018).

16. Ryabova L. A., Toropushina E. E., Korchak E. A. et al. *Sotsialnaya ustoichivost regionov rossiiskogo Severa i Arktiki: rezultaty otsenki i priority dostizheniya* [Social sustainability of the Russian North and Arctic regions: assessment results and priorities for achieving]. In: Sever i Arktika v novoi paradigme mirovogo razvitiya: aktualnye prob-

lemy, tendentsii, perspektivy [North and the Arctic in the new paradigm of world development: current problems, trends, prospects]. Apatity: Kola Science Centre of the RAS, 2016, pp. 276—294.

17. *Strategiya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF № 151-r ot 02.02.2015 v red. ot 13.01.2017* [RF Government Decree No.132-r, dated February 4, 2009 "Strategy of Sustainable Development of Rural Areas in the Russian Federation for the period up to 2020"]. Available at ConsultantPlus.

18. Tarasova N. P., Kruchina, E. B. *Indeksy i indikatory ustoichivogo razvitiya* [Indices and indicators of sustainable development]. In: *Ustoichivoe razvitiye: priroda — obshchestvo — chelovek* [Sustainable Development: Nature — Society — Man]. Moscow, 2006, vol. 1, pp. 127—144.

19. Fauzer V. V. *Demograficheskiy potentsial severnykh regionov Rossii — faktor i uslovie ekonomicheskogo osvoeniya Arktiki* [Demographic potential of the Russian northern regions is a factor and a condition of economic development in the Arctic]. *Ekonomika regiona*, 2014, no.4, pp. 69—80.

20. Fauzer V. V. *Problemy demograficheskogo razvitiya Rossiyskogo Severa* Diss. dokt. ekon. nauk. [The problems of demographic development of the Russian North. Dr. Sci. (Economy) diss.]. Moscow, 1996, 328 p.

21. Fauzer V. V. *Finno-ugorskie narody: istoriya demograficheskogo razvitiya* [Finno-Ugric peoples: the history of demographic development]. Syktyvkar, 2005. 24 p.

22. Fauzer V. V., Klimashevskaya E. V. *Chelovecheskie resursy energeticheskogo kompleksa Respubliki Komi* [Human Resources of the Energy Complex of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. 176 p.

23. Fauzer V. V., Lytkina, T. S., Smirnov A. V. *Differentsiatsiya arkticheskikh territoriy po stepeni zaselennosti i ekonomicheskoy osvoennosti* [Arctic Territories Differentiation by Density of Population and Economic Development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika — Arctic: Ecology and Economy*, 2017, no.4 (28), pp. 18—31.

24. Fauzer, V. V., Lytkina, T. S., Smirnov, A. V., Fauzer, G. N. *Demograficheskie pokazateli otsenki ustoichivogo razvitiya severnykh regionov Rossii* [Modeling sustainable development scenarios of the Russia's northern regions in modern conditions]. Syktyvkar: SyktSU publ., 2017, pp. 268—277.

25. Fauzer V. V., Lytkina, T. S., Fauzer G. N. *Osobennosti rasseleniya naseleniya v Arkticheskoy zone Rossii* [Features of population settlement in the Arctic zone of Russia] // *Arktika: ekologiya i ekonomika — Arctic: Ecology and Economy*, 2016, no.2, pp. 40—50.

26. Fauzer V. V., Nazarova I. G., Fauzer V. V. *Social'no-trudovye otnosheniya: otraslevaya i regional'naya specifika* [Social and labor relations: sectoral and regional specificity]. Moscow, Ekon-Inform, 2010. 174 p.

27. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. *Demograficheskie aspekty ustojchivogo razvitiya severnykh territoriy* [Demographic aspects of the sustainable development of the northern territories]. In: *Novye podhody i metody upravleniya ustojchivym social'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 24—25 oktyabrya 2017 g.*, IPREH RAN, St. Petersburg: State University of Aerospace Instrumentation, 2017, pp. 229—234.

28. Flud N. A. *Kak izmerit «ustoichivost razvitiya»? [How to measure «steadiness of development»]. *Voprosy statistiki — Statistical issues*, 2006, no. 10, pp. 19—29.*

29. Anielski M. *The Economics of Happiness: Building Genuine Wealth* / Canada: New Society Publishers, 2007, 288 p.

30. Cobb C., Halstead T, Rowe J. *The Genuine Progress Indicator: Summary of Data and Methodology*. Redefining Progress, 1995, 50 p.

31. Cobb J. B. *For the Common Good: Redirecting the Economy Toward Community, the Environment and a Sustainable Future*. Beacon Press, 1989, 534 p.

32. Easterlin R. *Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence*. Essays in Honor of Moses Abramovitz, 1974, pp. 89—125.

33. *Indicators of Sustainable Development*. UN Department for Policy Coordination and Sustainable Development, 1994.

34. Kahneman D., Krueger A. Developments in the Measurement of Subjective Well-Being. *Journal of economic perspectives*, 2006, vol. 20, pp. 3—24.

35. Lawn P., Sanders R. Has Australia surpassed its optimal macroeconomic scale? Finding out with the aid of 'benefit' and 'cost' accounts and a sustainable net benefit index. *Ecological Economics*, 1999, vol. 28, pp. 213—229.

36. Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. UK: Penguin, 2011.

37. *Measuring distance to the SDG targets. An assessment of where OECD countries stand June 2017*. Available at: <http://www.oecd.org/std/OECD-Measuring-Distance-to-SDG-Targets.pdf> (accessed: 12.04.2018).

38. Osberg L., Sharpe A. An Index of Economic Well-Being for Selected OECD Countries. *Review of Income and Wealth*, 2002, vol. 48, pp. 291—316.
39. Pearce D., Atkinson G. Capital theory and the measurement of sustainable development: an indicator of «weak» sustainability. *Ecological Economics*, 1993, vol. 8, pp. 103—108.
40. Rees W., Wackernagel M. *Ecological Footprints and appropriated carrying capacity: measuring the natural capacity requirements of the human economy*. Investing in Natural Capital. Washington DC: Island Press, 1994.
41. *World Development Indicators 2017. Sustainable Development Goals. The World Bank*. Available at: <http://datatopics.worldbank.org/sdgs/> (accessed: 12.04.2018).

Для цитирования: Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. № 2. С. 71—89.

For citation: V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, A. V. Smirnov, G. N. Fauzer, Estimation of sustainable development of Russia's Northern regions by demographic indicators // Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University. 2018. № 2. P. 71—89.